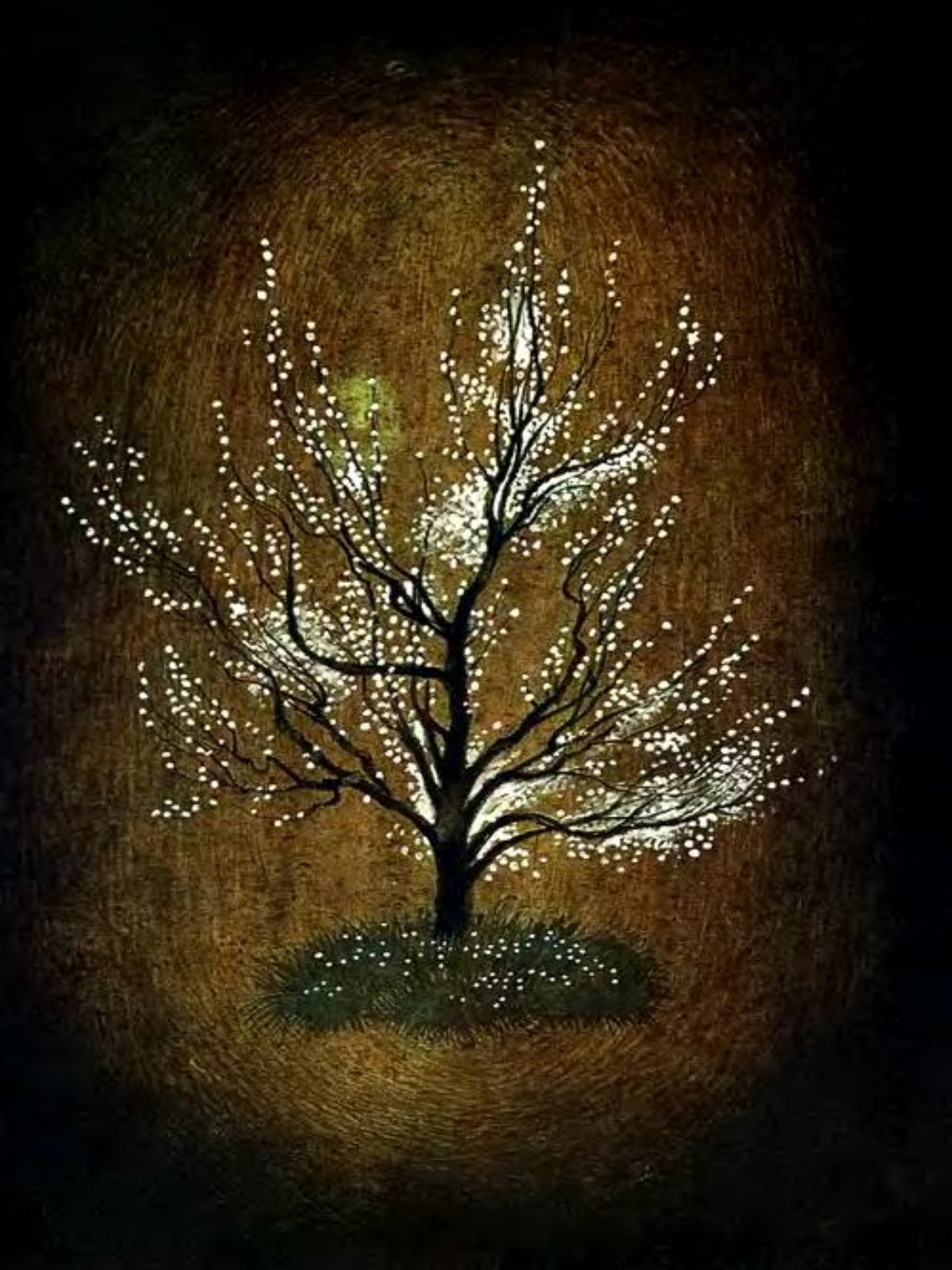

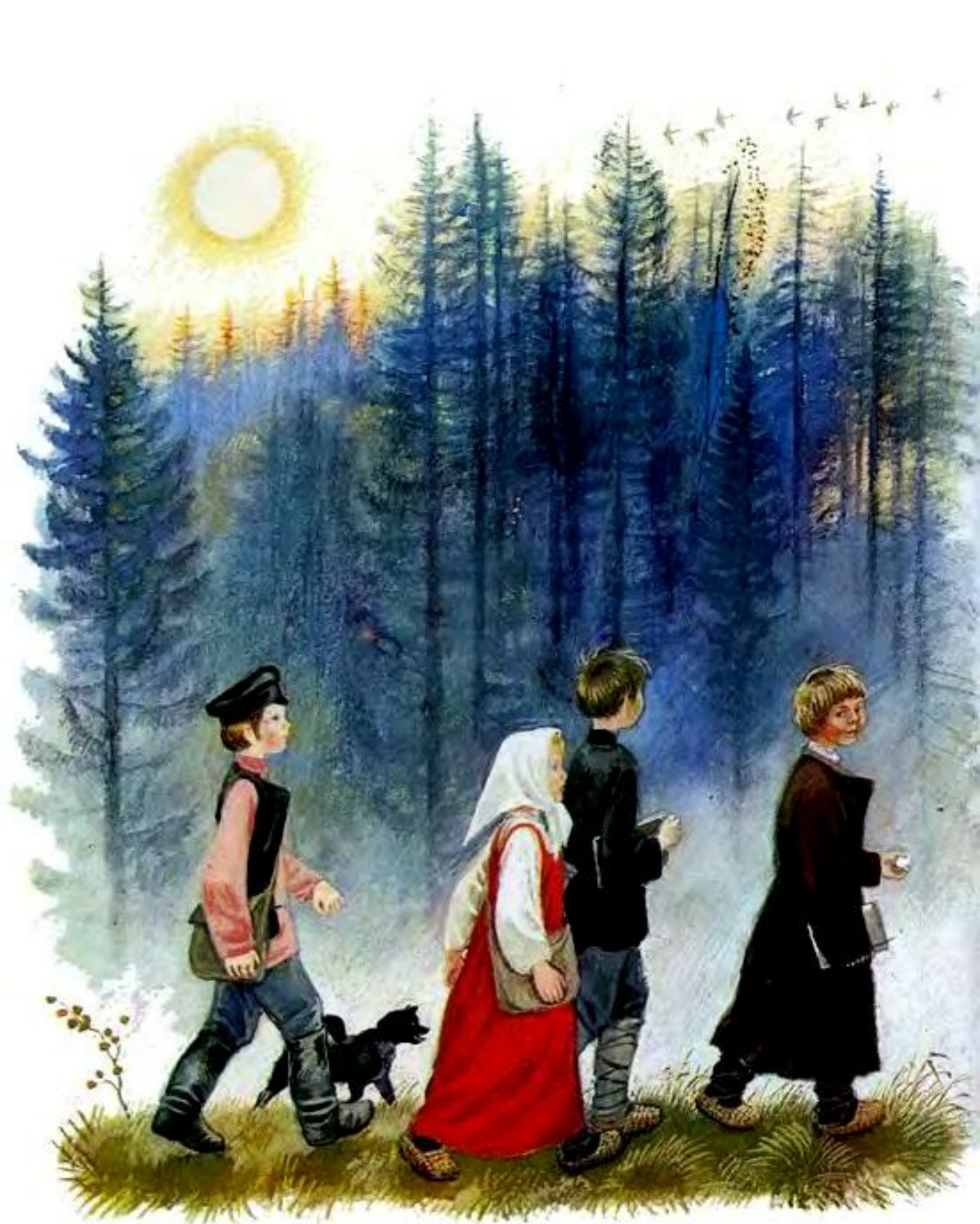
ДЕТЯМ

К. УШИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“ • 1978

К. УШИНСКИЙ

ДЕТЯМ

ПРАССКАЗЫ И СКАЗКИ

РИСУНКИ Н. УСТИНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1978

БИШКА

— А ну-ка, Бишка, прочти, что в книжке написано!

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла.

— Не моё, — говорит, — дело книги читать; я дом стерегу, по ночам не сплю, лаю, воров да волков пугаю, на охоту хожу, зайку слежу, уток ищущу, поноску тащу — будет с меня и этого.

ПЕТУШОК С СЕМЬЁЙ

Ходит по двору петушок: на голове — красный гребешок, под носом — красная борода. Нос у Пети доломом, хвост у Пети колесом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами созывает:

— Курочки-хохлатушки! Хлопотуньи-хозяйушки! Пёстренькие-рябенькие! Чёрненькие-беленькие! Соберитесь с цыплятками, с малыи ребятками: я вам зёрнышко припас!

Курочки с цыплятками собирились, раскудахтались; зёрнышком не поделились — передрались.

Петя-петушок беспорядков не любит — сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зёрнышко съел, на плетень взлетел, крыльями замахал, во всё горло заорал: «Ку-ку-ре-ку!»

ВАСЬКА

Котичек-коток — серенький лобок. Ласков Вася, да хитёр, лапки бархатные, коготок остёр. У Васютки — ушки чутки, усы длинные, шубка шёлковая.

Ласкается кот, выгибается, хвостиком виляет, глазки закрывает, песенку поёт, а попалась мышка — не прогневайся! Глазки-то большие, лапки — что стальные, зубки-то кривые, когти выпускные!

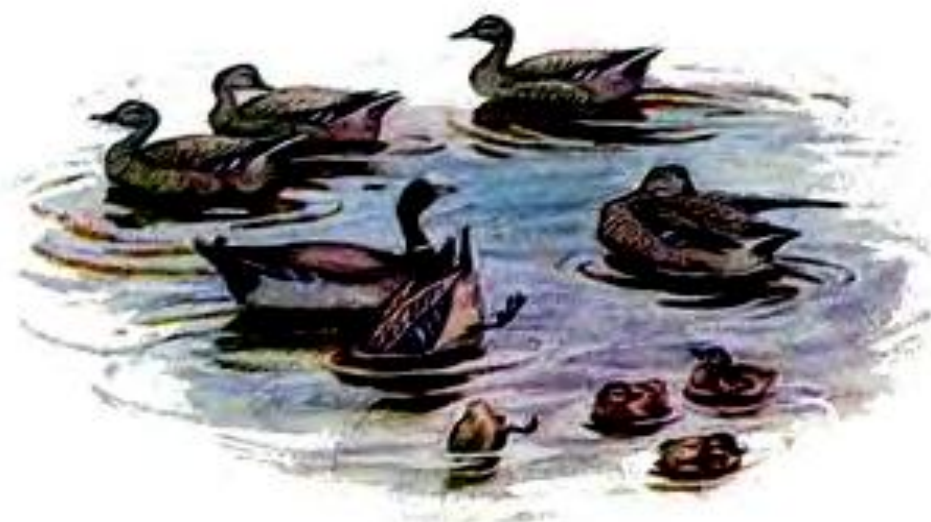

УТОЧКИ

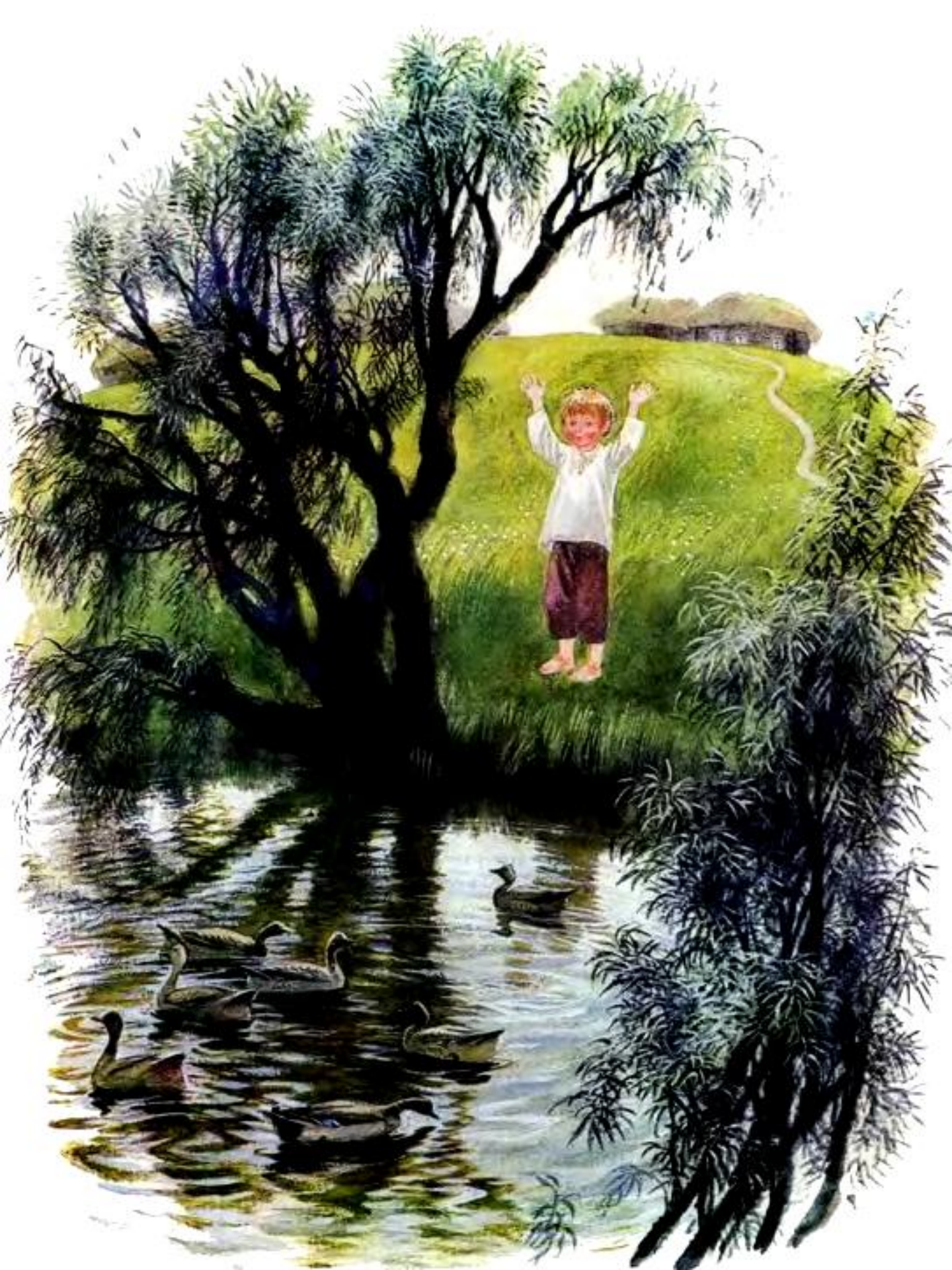
Сидит Вася на бережку, смотрит он, как уточки в пруде кувыркаются: широкие носики в воду прячут, жёлтые лапки на солнышке сушат. Приказали Васе уточек стеречь, а они на воду ушли — и старые и малые. Как их теперь домой загнать? Вот и стал Вася уточек кликать:

— Ути, ути-уточки! Прожоры-тараторочки, носики широкие, лапочки перепончатые! Полно вам червячков таскать, травку щипать, тину глотать, зобы набивать — пора вам домой идти!

Уточки Васю послушались, на берег вышли, домой идут, с ноги на ногу переваливаются.

ЛОШАДКА

Конь храпит, ушами прядёт, глазами поводит, удила грызёт, шею, словно лебедь, гнёт, копытом землю роет. Грива на шее волной, сзади хвост трубой, меж ушей — чёлка, на ногах — щётка; шерсть серебром отливает. Во рту удила, на спине седло, стремяна золотые, подковки стальные.

Садись и пошёл! За тридевять земель, в тридесятое царство!

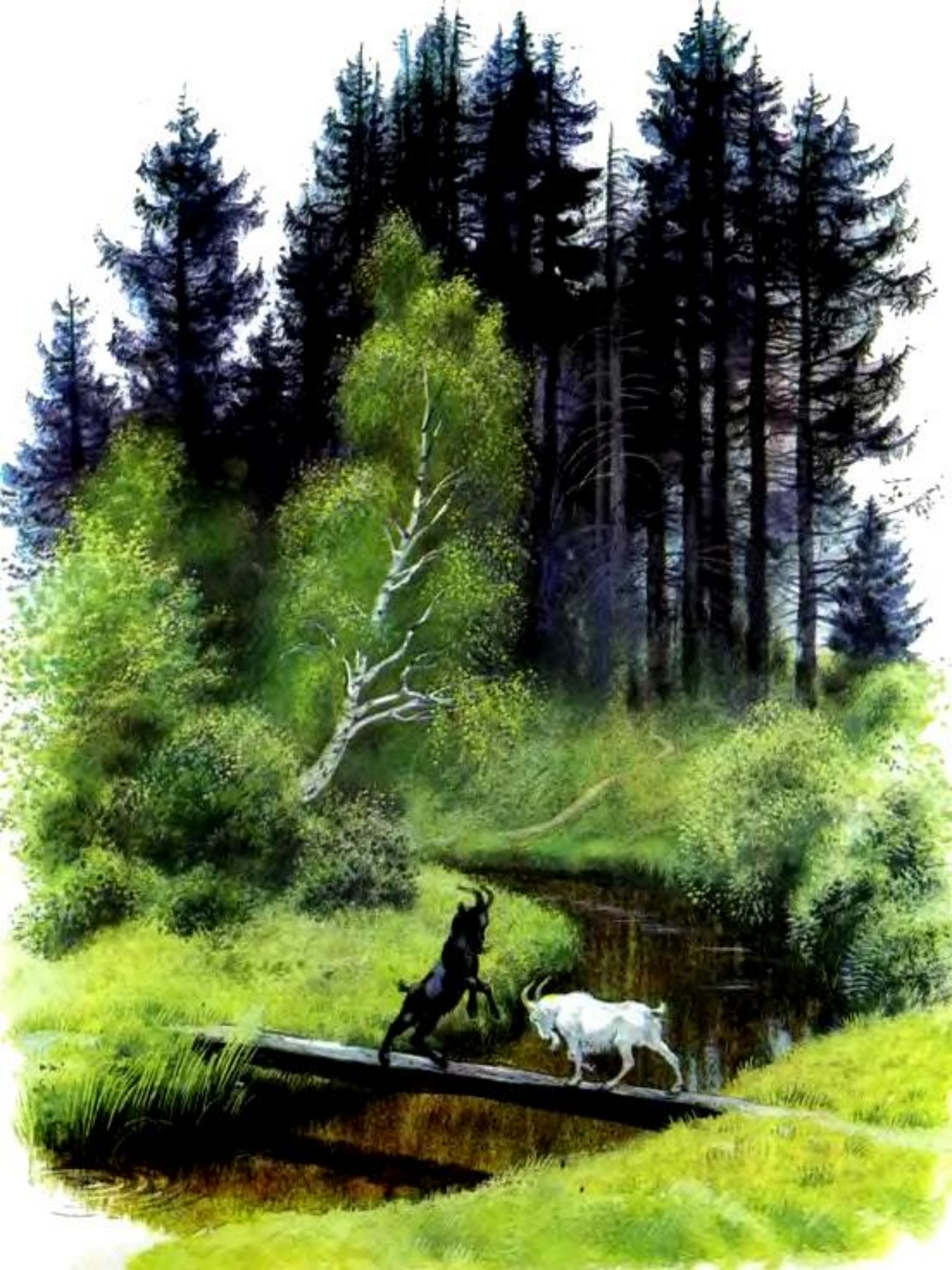
Конь бежит, земля дрожит, изо рта пена, из ноздрей пар валит.

КОЗЁЛ

Идёт козёл мохнатый, идёт бородатый, рожками помахивает, бородищей потряхивает, копытцами постукивает; идёт, блеет, коз и козляток зовёт. А козочки с козлятками в сад ушли, травку щиплют, кору гложут, молодые деревца портят, молочко деткам копят; а козлятки, малые ребятки, молочка насосались, на забор взобрались, рожками передрались.

Погодите, ужó придёт бородатый хозяин — всем вам порядок даст!

ДВА КОЗЛИКА

Два упрямых козлика встретились однажды на узком бревне, переброшенном через ручей. Обоим разом перейти ручей было невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назад, дать другому дорогу и обождать.

— Уступи мне дорогу, — сказал один.

— Вот ещё, поди-ка ты, какой важный барин! — отвечал другой. — Пячься назад, я первый взошёл на мост.

— Нет, брат! Я гораздо постарше тебя годами, и мне уступить молокососу! Ни за что!

Тут оба, долго не думавши, столкнулись крепкими лбами, сцепились рогами и, упираясь тоненькими ножками в колоду, стали драться. Но колода была мокра; оба упрямец поскользнулись и полетели прямо в воду.

ЧУЖОЕ ЯИЧКО

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала тёмное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены тринадцать яиц, и усадила на них хохлатку.

Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и поменьше прочих.

Сидит курица прилежно, греет яички, сбегает поклевать зёрнышек, попить водицы — и опять на место, даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая, шипит, клокчет, даже петушку не даёт подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в тёмном уголке делается.

Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклёвываться, один за другим; проклюнет скорлупку носом, выскочит, отряхнётся и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыплёнок из зеленоватого яичка.

И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый, жёлтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыплёнок, — думает курица, — и клюёт, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается».

Подивилась курица своему цыплёнку, однако же какой ни на есть, а всё сын. И любит, и бережёт его курица, как и прочих, а если завидит ястреба, то, распутивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче.

Как только коротконогий цыплёнок завидел воду, так прямо и кинулся в неё. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат, и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянул шейку и первый раз в своей жизни заорал осиплым голоском: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди! Братец тонет!

Но братец не утонул, а превесело и легко, как клоч хлопчатой бумаги, плавал себе по воде,

загребая воду своими широкими перепончатыми лапами.

На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: «Ахти, грех какой! Видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу».

А курица так и рвалась к пруду, на силу могли отогнать бедную.

ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ

Плавают гусь по пруду и громко разговаривает сам с собою:

— Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху; нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!

Подслушал гуся журавль и говорит ему:

— Прямой ты гусь, глупая птица! Ну, можешь ли ты плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как орёл? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем всё, да плохо.

УМЕЙ ОБОЖДАТЬ

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленёхонькую смородину, а курочка и говорит ему:

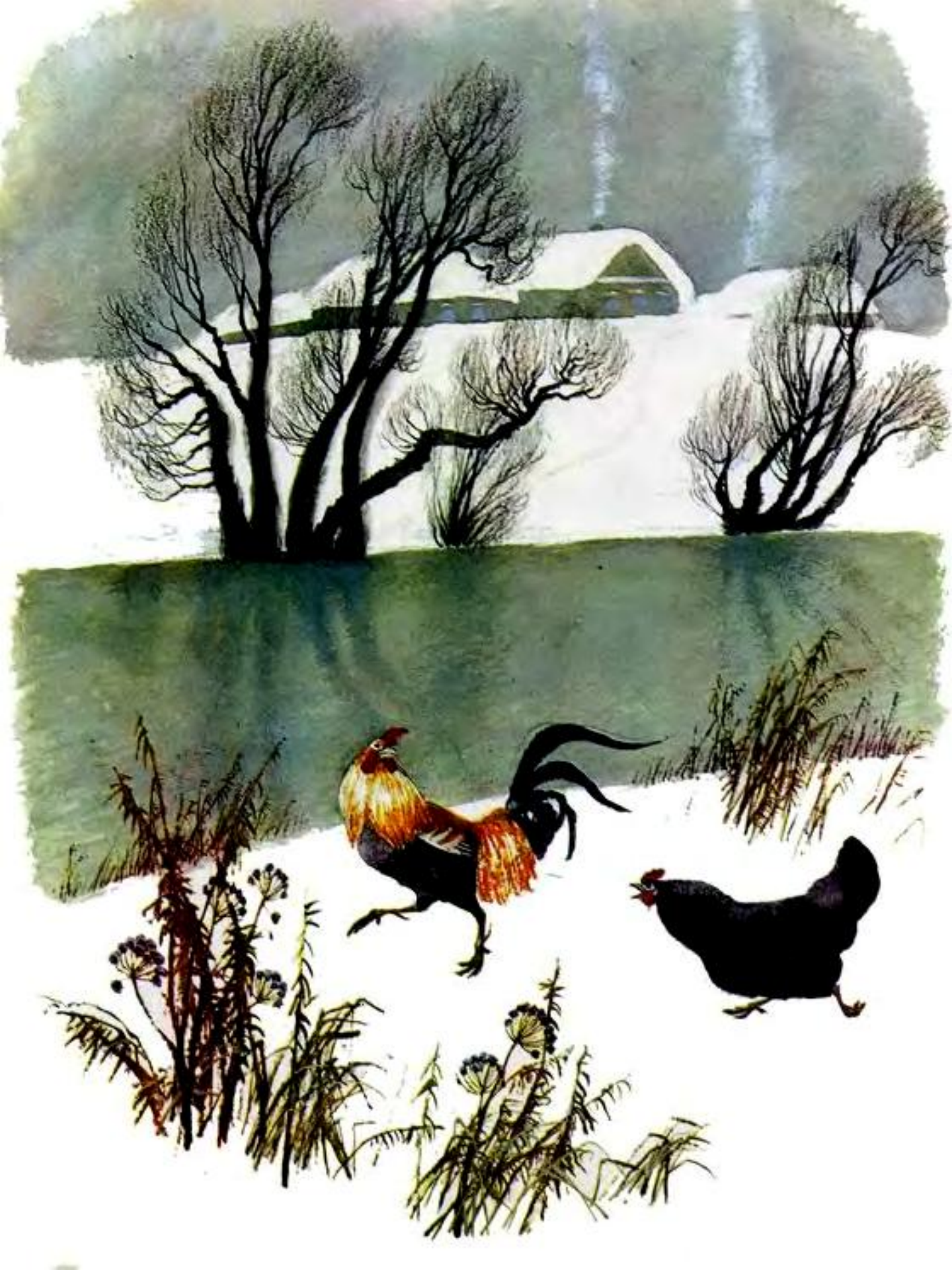
— Не ешь, Петя! Обожди, пока смородина поспеет.

Петушок не послушался; клевал да клевал и наклевался так, что насилу домой добрёл.

— Ох! — кричит петушок. — Беда моя! Больно, сестрица, больно!

Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник — и прошло.

Выздоровел петушок и пошёл в поле; бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду, а курочка ему кричит:

— Не пей, Петя, обожди, пока остынешь!

Не послушался петушок, напился холодной воды—и тут же стала бить его лихорадка, на силу домой курочка его довела.

Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась; захотелось петушку на коньках покататься, а курочка и говорит ему:

— Ох, обожди, Петя! Дай реке совсем замёрзнуть; теперь ещё лёд очень тонок, утонешь.

Не послушался петушок сестры, покатился по льду; лёд проломился, и петушок—бултых в воду! Только петушка и видели.

ВОРОН И СОРОКА

Пёстрая сорока прыгала по веткам дерева и без умолку болтала, а ворон сидел молча.

— Что же ты молчишь, куманёк, или ты не веришь тому, что я тебе рассказываю? — спросила, наконец, сорока.

— Плохо верю, кумушка, — отвечал ворон, — кто так много болтает, как ты, тот, наверно, много врёт!

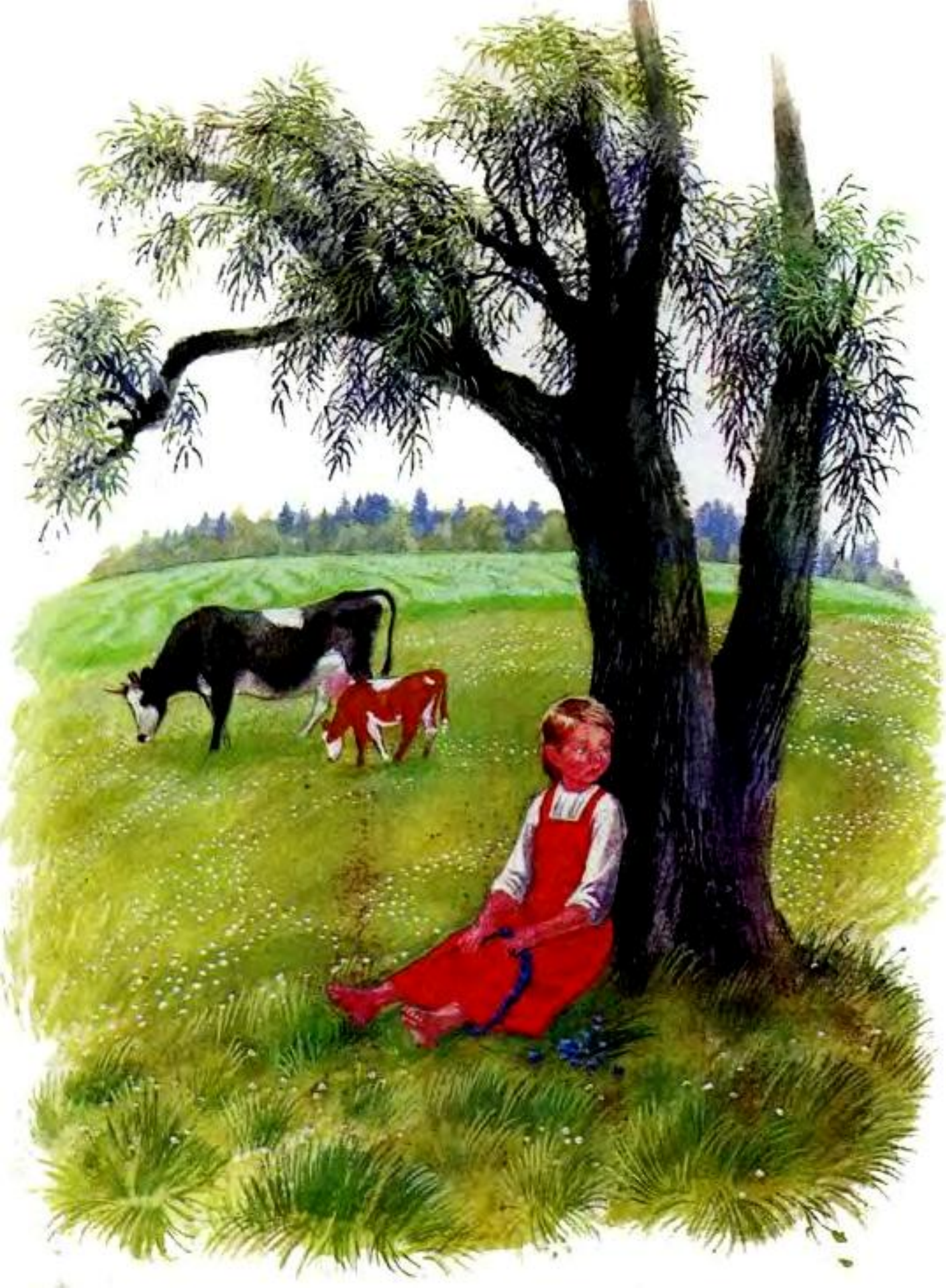
БОДЛИВАЯ КОРОВА

Была у нас корова, да такая характерная, бодливая, что беда! Может быть, потому и молока у неё было мало.

Помучились с ней и мать, и сёстры. Бывало прогонят в стадо, а она или домой в полдень придерёт, или в житах очутится — иди, выручай.

Особенно, когда бывал у неё телёнок, — удержи нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила к телёнку билась; а рога-то у неё были длинные

да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то всё откладывал, будто что предчувствовал старый.

А какая была увёртливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову да махнёт — так и на лошади не догонишь.

Вот раз летом прибежала она от пастуха, ещё задолго до вечера, было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре — девочке этак лет двенадцати:

— Погони, Феня, их к речке, пусть на берегу попасутся, да смотри, чтоб в жито не

затесались. До ночи ещё далеко, что им тут без толку стоять.

Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись, а сама под вербой села и стала веночек плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетёт и песенку поёт.

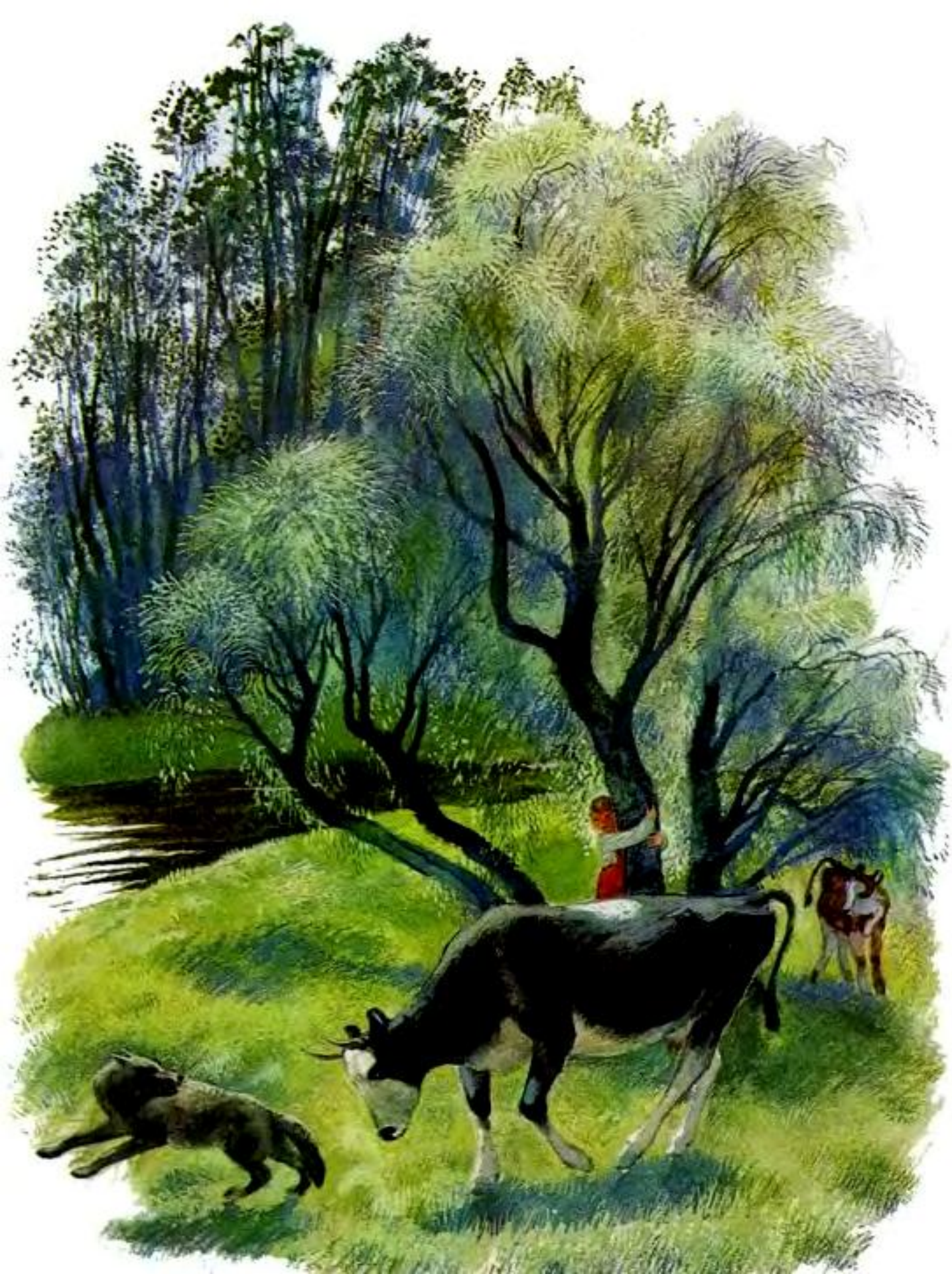
Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало, а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла.

Глядит Феня, что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака Серко. Известно, волк на собаку совсем похож, только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала.

Стала уже Феня собаку манить: «Серко, Серко!» — как смотрит — телёнок, а за ним корова несутся прямо на неё, как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; телёнок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревёт, передними копытами землю роет, рога-то прямо волку выставила.

Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил — с первого раза, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмёшь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться или теля отхватить, — только куда ни кинется, везде рога ему навстречу.

Феня всё ещё не догадывается, в чём дело,

хотела бежать, да корова не пускает, так и жмёт к дереву.

Стала тут девочка кричать, на помощь звать... Наш казак пахал на взгорке, услышал, что и корова-то ревёт, и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик.

Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться — такой он был большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что пахал тут же на поле.

Как завидел волк, что люди бегут, — унялся, огрызнулся ещё раз, два, завыл, да и в лозняк.

Феню казаки едва домой довели — так перепугалась девочка.

Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

ОРЁЛ И КОШКА

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива. Вдруг, откуда ни возьмись, — огромный степной орёл: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва на-смерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными кривыми когтями давали орлу большое преимущество; он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки, но орёл всё ещё был очень силен, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту перекусила ему горло и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

ЗАЯЦ И ЁЖ

Беленький, гладенький зайчик сказал ежу:

— Какое у тебя, братец, некрасивое, колючее платье!

— Правда, — отвечал ёж, — но мои колючки спасают меня от зубов собаки и волка. Служит ли тебе так же твоя хорошенькая шкурка?

Зайчик вместо ответа только вздохнул.

ДЯТЕЛ

«Тук-тук-тук!» — в глухом лесу, на сосне, чёрный дятел плотничает. Лапками цепляется, хвостиком упирается, носом постукивает — мурашей да козявок из-за коры выпугивает. Кругом ствола обежит, никого не проглядит. Испугались мураши: «Эти-де порядки нехороши!» Со страху корячутся, за корою прячутся — не хотят вон идти. «Тук-тук-тук!» — чёрный дятел стучит носом, кору долбит, длинный язык в дыры запускает, мурашей, словно рыбку, таскает.

ГАДЮКА

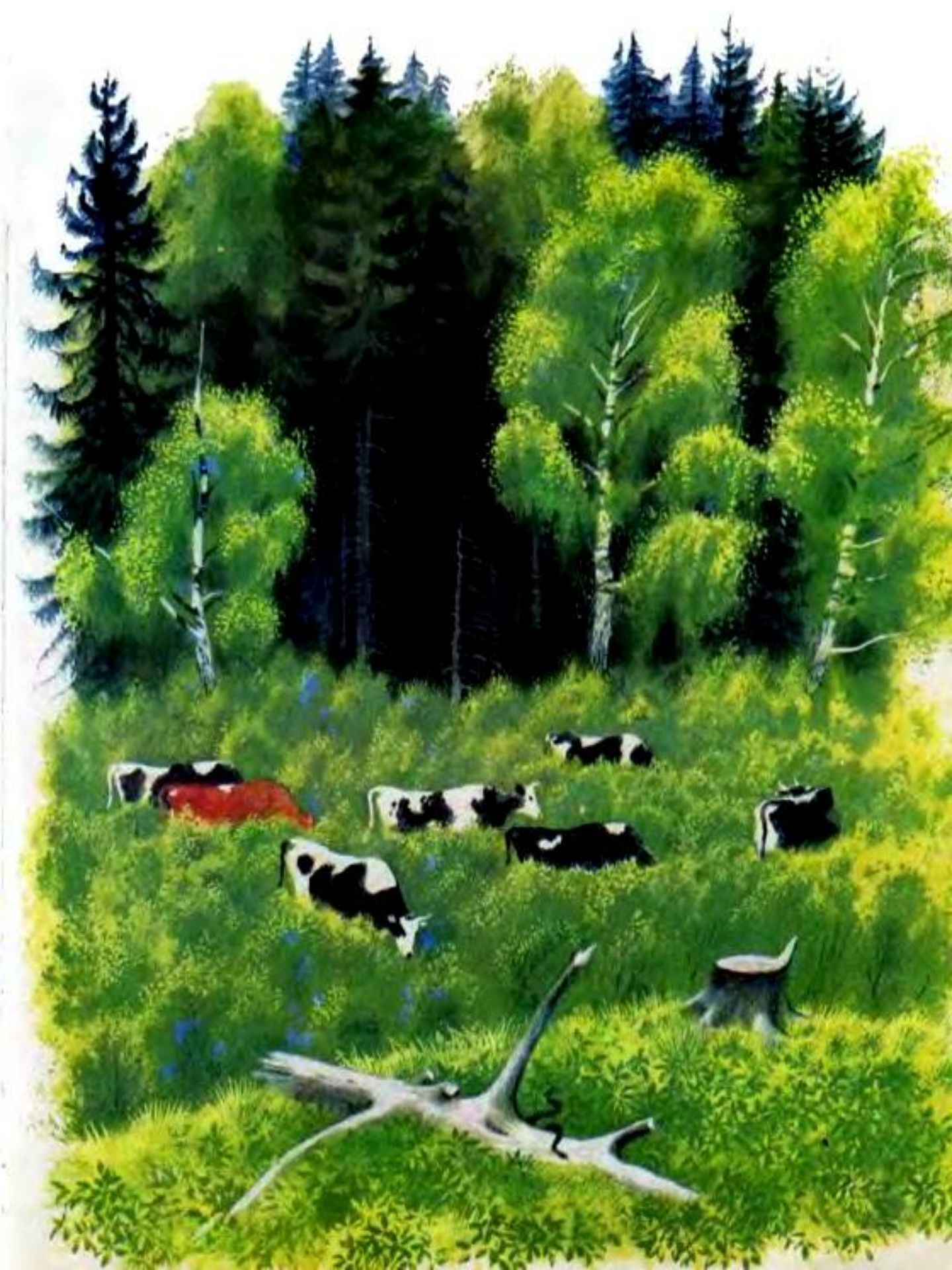
Вокруг нашего хутора, по оврагам и мокрым местам, водилось немало змей.

Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змеёй-то его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и укушение ужа совершенно безвредно.

Ужей у нас было множество, особенно в кучах соломы, что лежала около гумна; как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда подойдёшь, язык или жало показывают, но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи, и как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так уж и выползет и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

Но водились у нас не одни ужи: водилась и ядовитая змея, чёрная, большая, без тех жёлтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас гадюкою. Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима, который знал какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падёт — раздует её, бедную, как гору.

Один мальчик у нас так же умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча, и прежде чем пришёл Охрим, опухоль перешла с руки на шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много

наслышался про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придётся встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом, в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растёт высокая густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сенокосу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копён.

Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался: баб не было, косари пошли далеко, и только

наша чёрная большая собака Бровко лежала на копне и грызла кость.

Кувыркнулся я в одну копну, повернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по руке. Мысль о гадюке мелькнула в голове моей, и что же? Огромная гадюка, которую я обеспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться.

Вместо того чтобы бежать, я стою как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвековыми, неморгающими глазами. Ещё бы минута — и я погиб, но Бровко, как стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба.

Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

Тут только воротился ко мне голос, я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами доби́ли ещё трепетавшие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где.

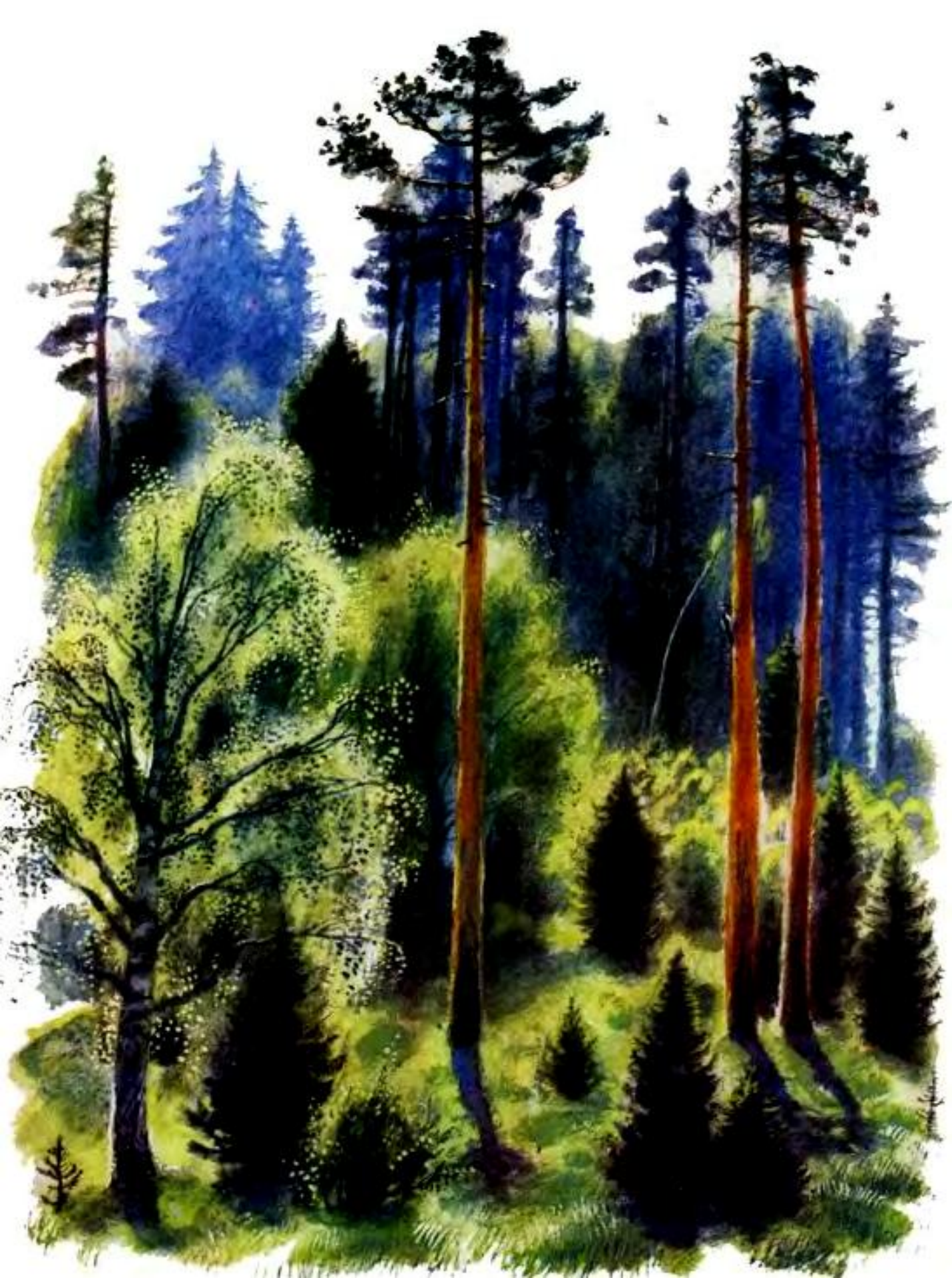
Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которою они лечатся от укушения гадюки.

В ЛЕСУ ЛЕТОМ

Нет в лесу того раздолья, как на поле; но хорошо в нём в жаркий полдень. И чего только не насмотришься в лесу! Высокие, красноватые сосны развесили свои иглистые вершины, а зелёные ёлочки выгибают свои колючие ветви. Красуется белая, кудреватая берёзка с душистыми

листочками; дрожит серая осина; а коренастый дуб раскинул шатром свои вырезные листья. Из травы глядит беленький глазок земляники, а рядом уже краснеет душистая ягодка.

Белые серёжки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Где-то рубит крепконосый дятел; кричит жалобно жёлтая иволга; отсчитывает года бездомная кукушка. Серый зайчик шмыгнул в кусты, высоко между ветвями мелькнула пушистым хвостом цепкая белка. Далеко в чаще что-то трещит и ломится: уж не гнёт ли дуг косолапый Мишка?

ЛЕС И РУЧЕЙ

Пробегая по влажной лесной темноте, посреди болот и мхов, ручей жалобно роптал, что лес закрывает от него и ясное небо, и далёкую окрестность, не пропускает к нему ни ярких лучей солнца, ни шаловливого ветерка.

— Хотя бы пришли люди и вырубili этот несносный лес! — журчал ручей.

— Дитя моё! — кротко отвечал ему лес. — Ты ещё мал и не понимаешь, что моя тень хранит тебя от иссушающего действия солнца и ветра, что без моей защиты высохли бы быстро твои ещё слабые струи. погоди, наберись прежде силы под моей тенью, и тогда ты выбежишь на открытую равнину, но уже не слабым ручейком, а могучей рекой. Тогда, без вреда для себя, будешь отражать ты в своих струях блестящее солнце и ясное небо, будешь безопасно играть с могучим ветром.

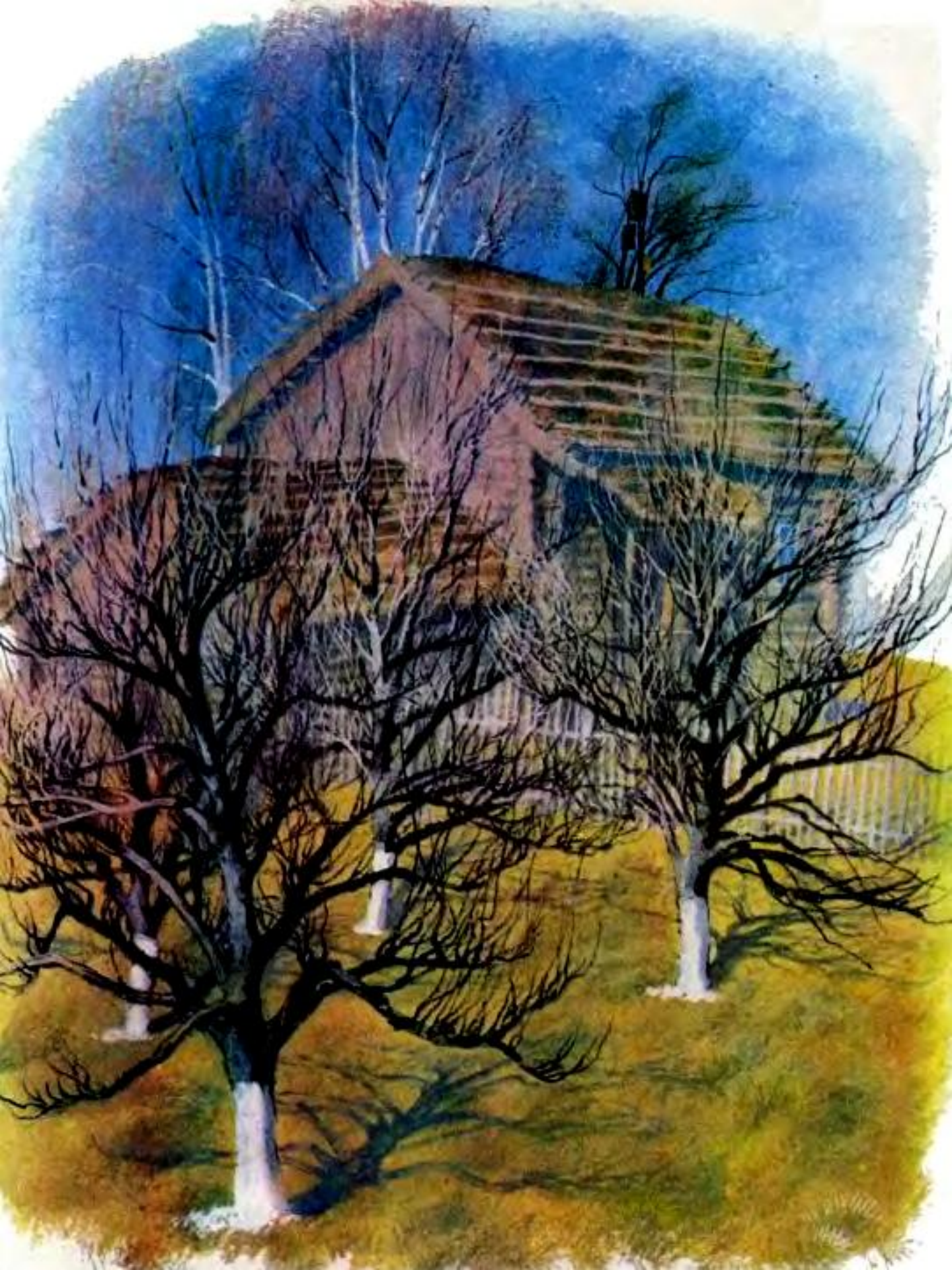
ПЧЁЛКИ НА РАЗВЕДКАХ

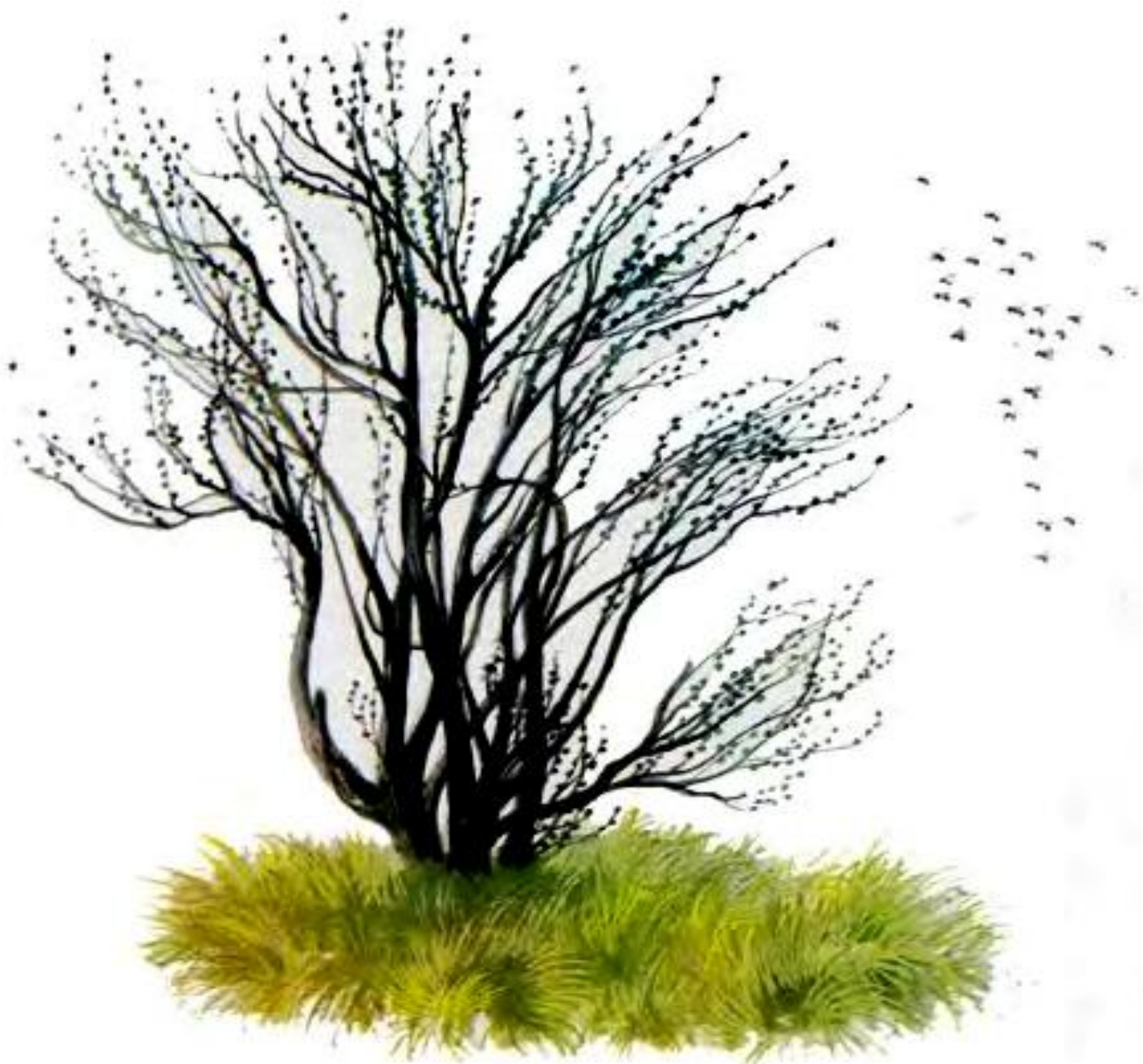
Настала весна; солнце согнало снег с полей; в пожелтевшей, прошлогодней травке проглядывали свежие ярко-зелёные стебельки; почки на деревьях раскрывались и выпускали молоденькие листочки.

Вот проснулась и пчёлка от своего зимнего сна, прочистила глазки мохнатыми лапками, разбудила подруг, и выглянули они в окошечко — разведать: ушёл ли снег, и лёд, и холодный северный ветер?

Видят пчёлки, что солнышко светит ярко, что везде светло и тепло, выбрались они из улья и полетели к яблоньке:

— Нет ли у тебя, яблонька, чего-нибудь для бедных пчёлок? Мы целую зиму голодали.

— Нет, — говорит им яблонька, — вы прилетели слишком рано, мои цветы ещё спрятаны в почках. Попробуйте у вишни.

Полетели пчёлки к вишне:

— Милая вишенка! Нет ли у тебя цветочка для голодных пчёлочек?

— Наведайтесь, милочки, завтра, — отвечает им вишня. — Сегодня ещё нет на мне ни одного открытого цветочка, а когда откроются, я буду рада гостям.

Полетели пчёлки к тюльпану, заглянули в его пёструю головку; но не было в ней ни запаха, ни мёду.

Печальные и голодные пчёлки хотели уже домой лететь, как увидели под кустиком скромный тёмно-синий цветочек — это была фиалочка. Она открыла пчёлкам свою чашечку, полную аромата и сладкого сока. Наелись, напились пчёлки и полетели домой — веселёшеньки.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЯБЛОНЬКИ

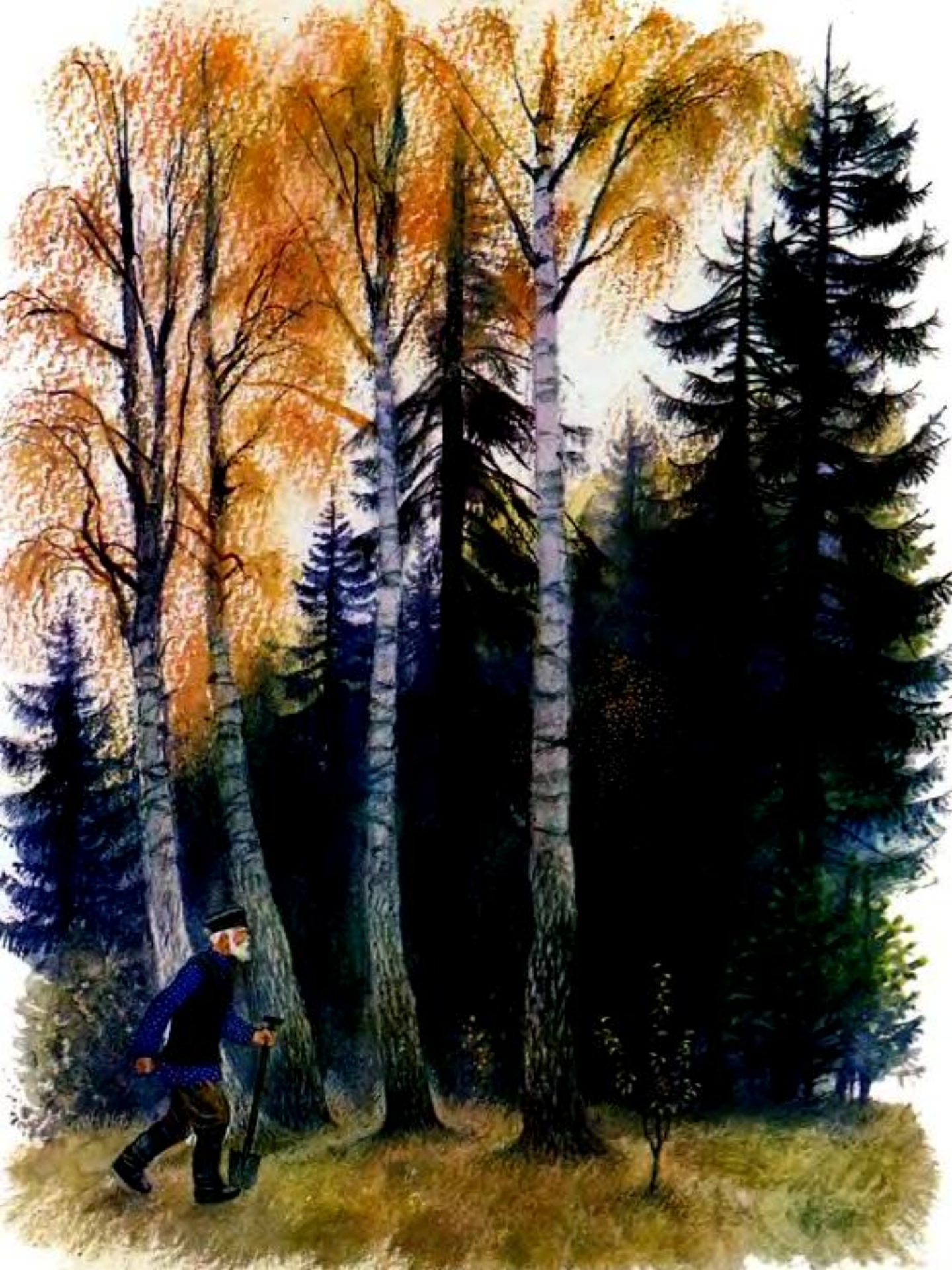
I

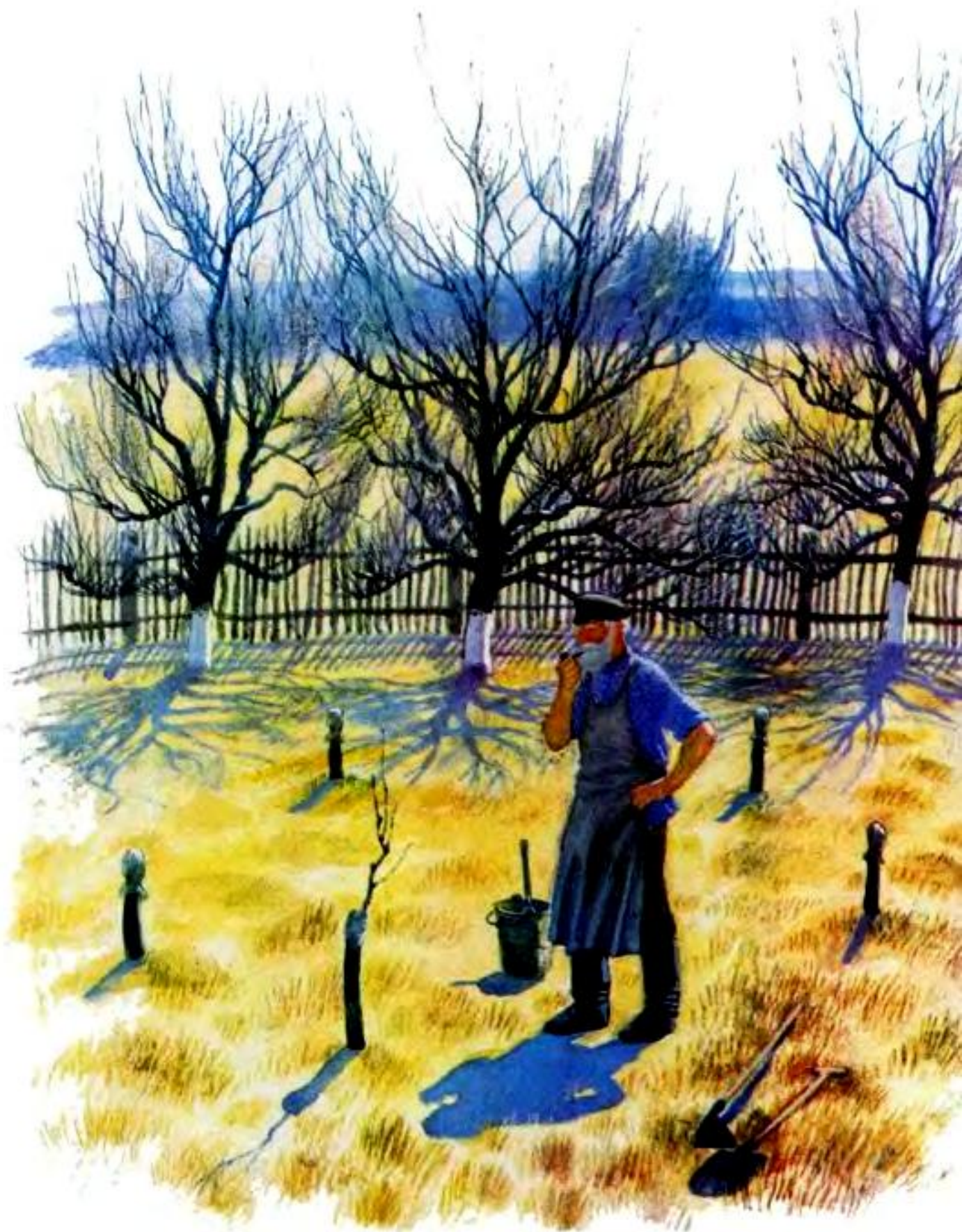
Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки, одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из-промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко. Пришёл в лес садовник с заступом, увидал яблоньку и говорит:

— Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится.

Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!»

Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

II

Загордилась яблонька в саду. «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать. Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала!»

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушёл.

III

Прихворнула яблонька, но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой. Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, листок за листком; выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами. Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки, да уж не дикие кислицы, а большие,

румяные, сладкие, рассыпчатые! И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

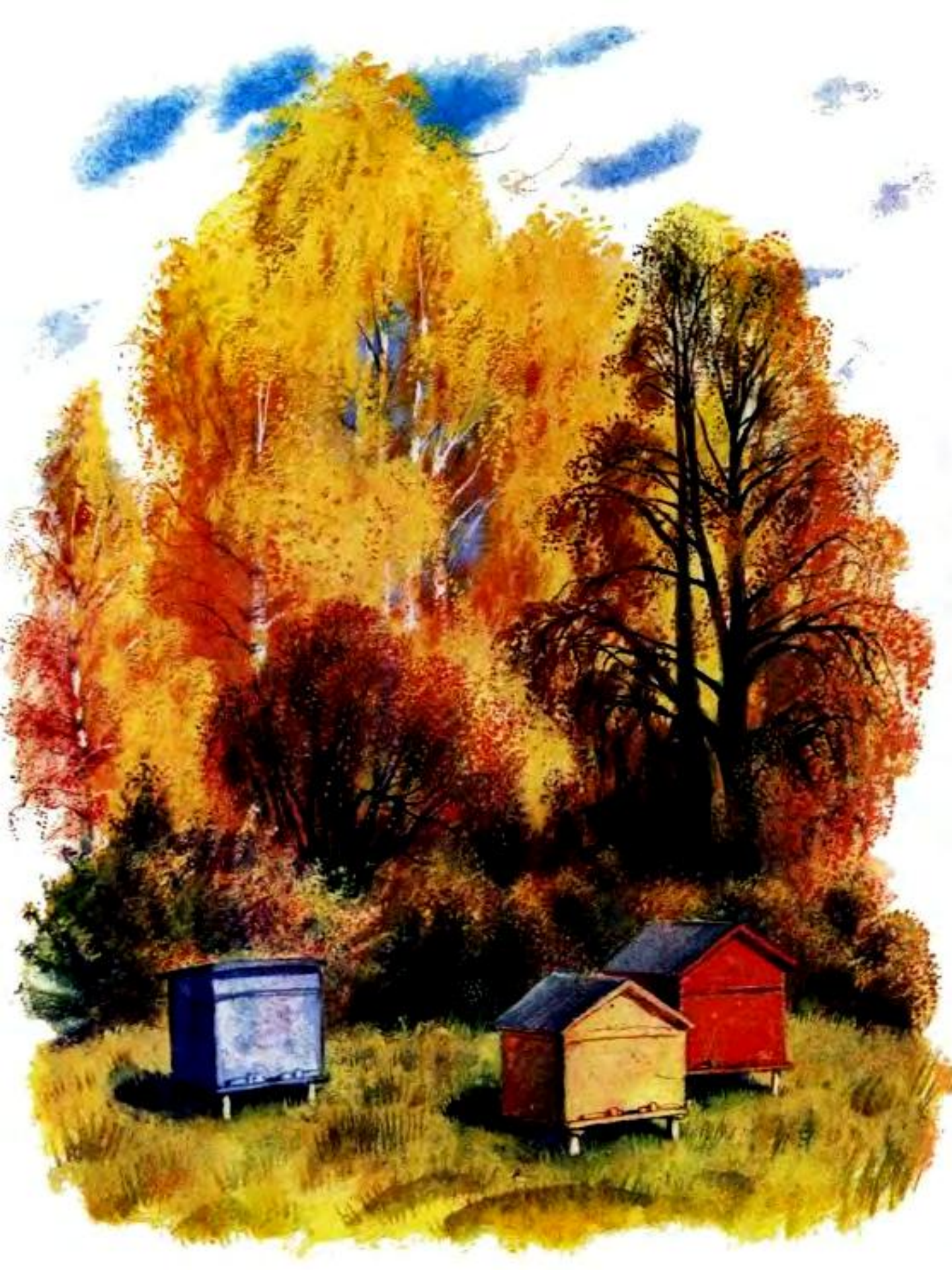

ПЧЁЛЫ И МУХИ

Поздней осенью выдался славный денёк, какие и весной на редкость: свинцовые тучи рассеялись, ветер улёгся, солнце выглянуло и смотрело так ласково, как будто прощалось с пожелтевшими растениями. Вызванные из ульев светом и теплом мохнатые пчёлки, весело жужжа, перелетали с травки на травку, не за мёдом

(его уже негде было взять), а так себе, чтобы повеселиться и порасправить свои крылышки.

— Как вы глупы со своим весельем! — сказала им муха, которая тут же сидела на травке, пригорюнясь и опустив нос. — Разве вы не знаете, что солнышко это только на минуту и что, наверное, сегодня же начнётся ветер, дождь, холод и нам всем придётся пропадать.

— Зум-зум-зум! Зачем же пропадать? — отвечали мухе весёлые пчёлки. — Мы повеселимся, пока светит солнышко, а как наступит непогода, спрячемся в свой тёплый улей, где у нас за лето припасено много мёду.

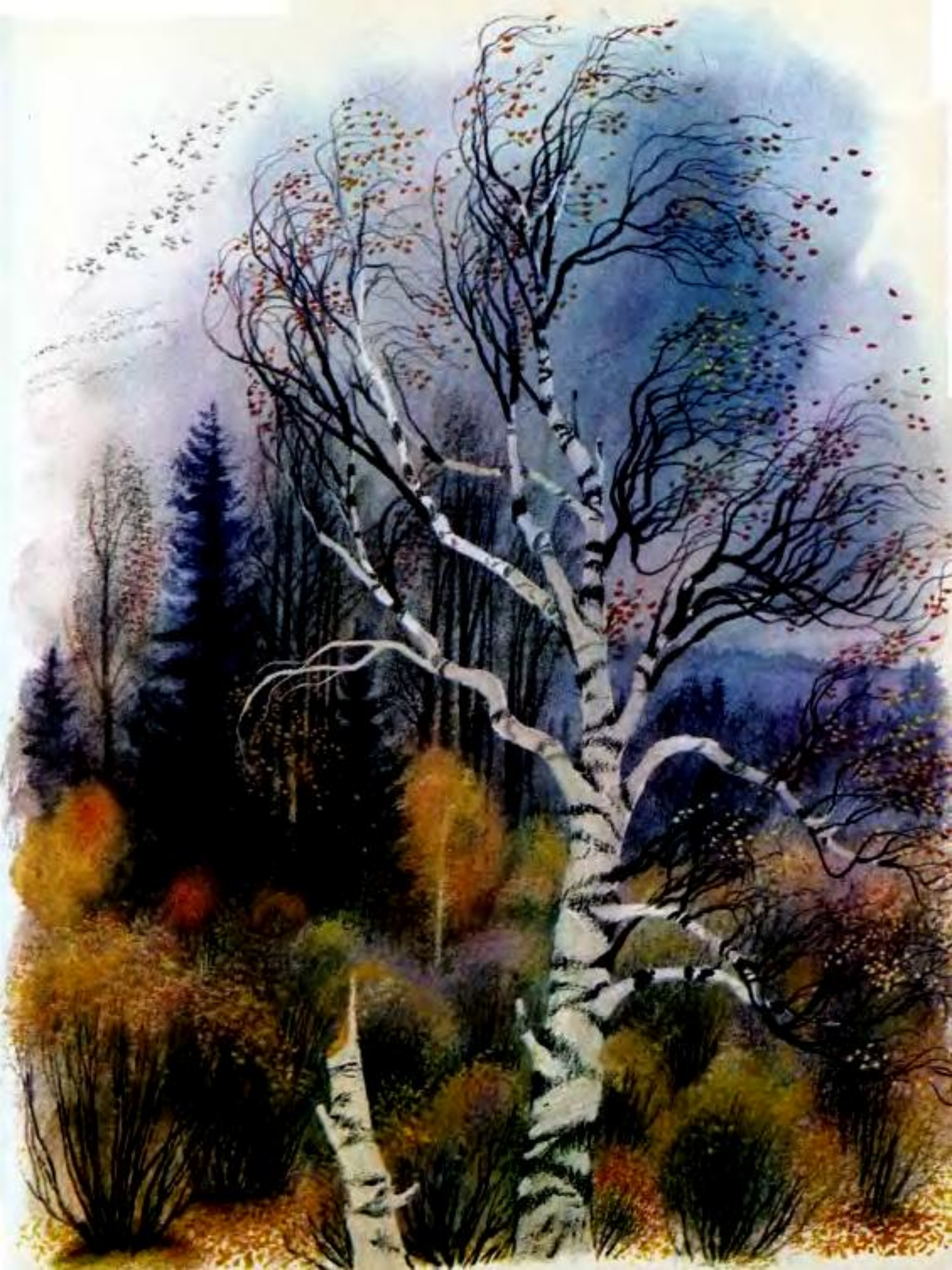

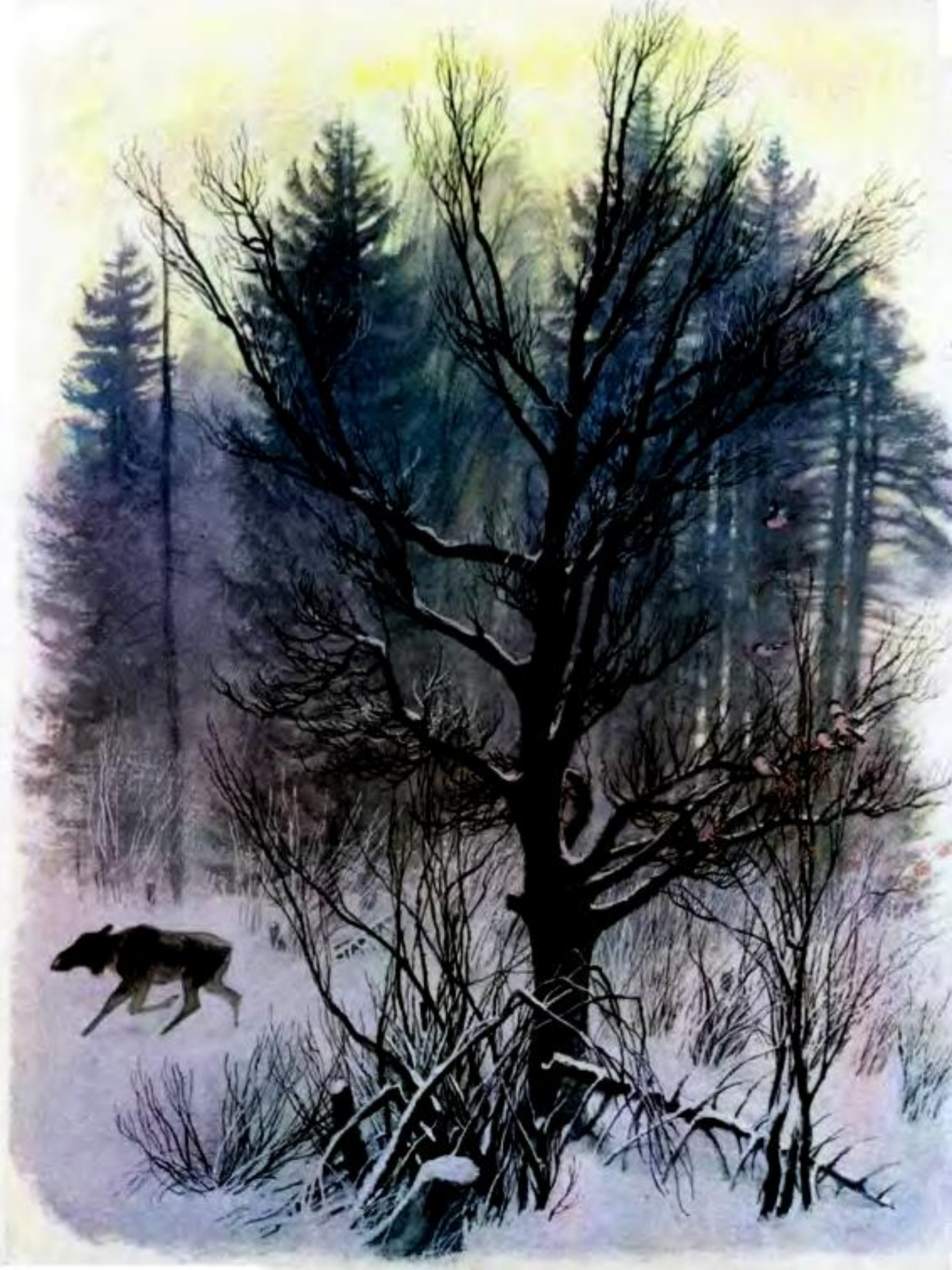
ПРОКАЗЫ СТАРУХИ-ЗИМЫ

Разозлилась старуха-зима; задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и

полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы спрятались; белка в дупле орешки грызёт, медведь в берлоге лапу сосёт; зайка, прыгая, греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима—до рыб она добирается; посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молоточками громко

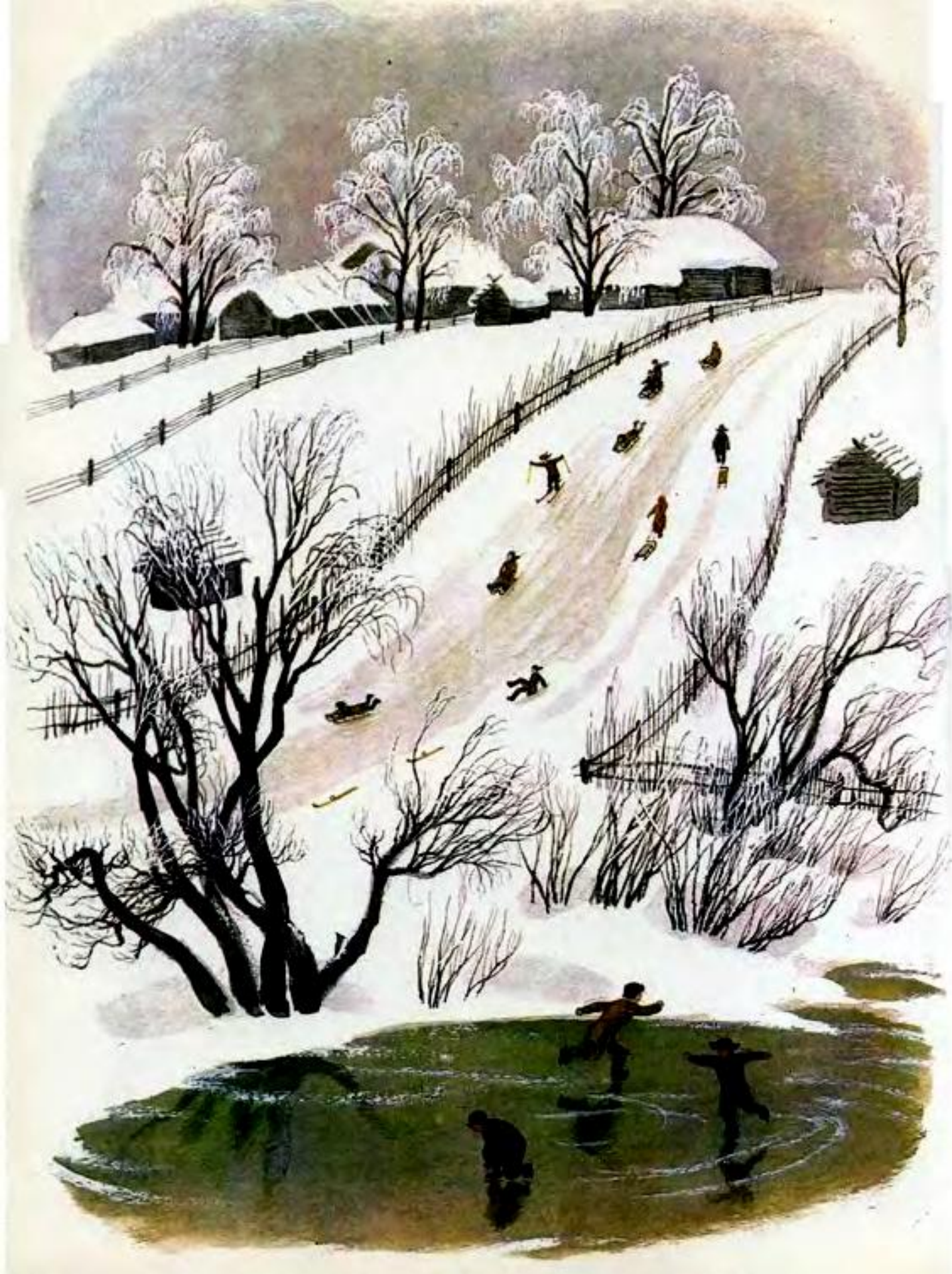
постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, постой же, — думает зима, — дойму я людей», — и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимой подсмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать, наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые, да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По

дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись: от лошадей пар валит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребяташки и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка подсобить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снега, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять, заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... Видно, весна недалёко!

